

А. Яшлавский

**«АФГАНСКИЙ ФИЛИАЛ» ИГИЛ
КАК УГРОЗА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-105-119

Статья поступила в редакцию 29.05.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

Граничащий с постсоветской Центральной Азией Афганистан давно воспринимается как фактор региональной нестабильности. Не последнюю роль в этом играет активность воинствующей исламистской группировки «Исламское государство – Хорасан»¹ (ИГХ), которая с момента своего возникновения в 2015 г. представляет серьезную угрозу безопасности не только в Афганистане, который является основной зоной ее подрывной деятельности. Расширение экстремистами пропагандистской работы, вербовка и сбор средств может иметь значимые последствия для безопасности не только Афгано-Пакистанского региона (т.н. АфПак), но и за его пределами, включая государства постсоветской Центральной Азии.

Несмотря на то что полем деятельности ИГХ является прежде всего Афганистан, где эта группировка противостоит главным образом талибским² властям страны, амбиции лидеров и пропагандистов экстремистов, связанных с транснациональной террористической сетью, выходят далеко за пределы афганской территории.

Соперники на одном поле

По иронии судьбы, являющаяся соперником талибов в «мире суннитского джихада» группировка ИГХ извлекла немало пользы из возвращения к власти в Кабуле талибов, обладая «четко определенной стратегией, направленной на то, чтобы извлечь выгоду из новой реальности в Афганистане, изображая себя единственной бескомпромиссной джихадистской альтернативой Талибану» [1].

Действительно, уход возглавляемой США коалиции с афганской земли снизил давление на местное ответвление «Исламского государства», воевавшее до этого на два фронта (против кабульского проамериканского режима и иностранных войск, с одной стороны, и против талибских боевиков, с другой).

---

¹ Исламское государство (ИГ, ИГИЛ, Даиш) – запрещенная в РФ террористическая организация.

² «Талибан» – организация, признанная в РФ террористической, ее деятельность запрещена.

Можно констатировать, что с восстановлением в Афганистане талибского правления «хорасанский проект» ИГИЛ получил второе дыхание и пережил своеобразный «ренессанс», воспользовавшись слабостью талибских властей в государственном управлении и нарастающим экономическим и гуманитарным кризисом в стране [2, с. 59].

При этом реальные возможности афганского филиала «Исламского государства» коренным образом изменить ситуацию в сфере безопасности в граничащих с Афганистаном странах представляются недостаточными, однако экстремисты периодически демонстрируют способность наносить удары, которые не ограничиваются местными целями. Не меньшую опасность, чем чисто насильственная, террористическая активность группировки, представляют ее усилия по распространению пропаганды, нацеленной в том числе на аудиторию из числа жителей постсоветской Центральной Азии и выходцев из региона, проживающих в других странах.

Таким образом, отвергая излишний алармизм в оценке «хорасанского проекта» ИГ, вряд ли есть смысл воспринимать его как несущественную или чрезмерно преувеличенную проблему. Скорее, ИГХ – непредсказуемый актер, располагающий средствами для совершения низкоуровневых, но смертоносных нападений в Афганистане и за его пределами.

Тревожным сигналом в этом контексте стал террористический акт против посольства России в Кабуле 5 сентября 2022 г., поскольку действия взявшей на себя ответственность за это нападение группировки ИГХ были направлены не только против контролирующих Афганистан талибов или представителей конфессиональных меньшинств, но и против дипломатического представительства другого государства, причем не участвующего во внутриафганском конфликте.

Не менее тревожными сигналами стали запуски нескольких ракет, осуществленные, предположительно, боевиками ИГХ в апреле–мае 2022 г., в сторону соседних с Афганистаном территорий Таджикистана и Узбекистана [3]. Как отмечает в этой связи индийский эксперт С.Рамачандран, обстрелы осуществлялись из провинций Балх и Тахар на севере Афганистана, которые граничат со странами Центральной Азии.

Присутствие ИГХ там, по-видимому, достаточно значительно для того, чтобы оно могло использовать ракетные установки. С момента захвата власти в августе 2021 г. движение «Талибан» проводит военные операции против ИГХ на востоке Афганистана, однако указанные события позволяют предположить, что в то время как внимание правящего режима было сосредоточено на востоке страны, сторонники «Исламского государства» смогли укрепить свои позиции в северных провинциях Афганистана [3].

Ухудшение обстановки в плане безопасности на севере Афганистана стало плохой новостью для соседних стран Центральной Азии. С момента возвращения к власти афганские талибы неоднократно заверяли правительства центральноазиатских государств, что они не позволят использовать афганскую

территорию для нападений на соседей Афганистана. Это «взаимопонимание» с «Талибаном» обеспечило определенную стабильность в хаосе, последовавшем за выводом американских войск летом 2021 г., отмечает Р.Панньер, добавляя, что «краткая передышка Центральной Азии от афганских проблем, возможно, подходит к концу» [4].

С учетом закулисного сотрудничества ИГХ с представителями отдельных фракций весьма фрагментированного движения «Талибан» (в первую очередь, речь может идти о группировке «Сеть Хаккани»³), трудно не согласиться с мнением российского эксперта по Афганистану А.Серенко о том, что «России, Китаю и странам региона рассчитывать на серьезную, реальную и эффективную борьбу с “вилаятом Хорасан” внутри Афганистана силами талибского правительства не приходится» [5].

Во внутренней конкуренции между «вилаятами» («провинциями»), существующими в ряде регионов в рамках транснациональной террористической сети так называемого «Исламского государства», ИГХ явно пытается завоевать репутацию мощной силы, деятельность которой не ограничивается рамками региона, указанного в названии группировки.⁴ Более того, эта ориентация укладывается в концепцию «глобального джихада», которой руководствуется ИГ.

Как и «материнская организация» ИГИЛ, действующая в Афганистане группировка сторонников «Исламского государства» по своей сути является транснациональной и не признает того, что она считает «незаконными» и «произвольно проведенными» национальными границами. Это отражено и в названии экстремистского объединения – «Хорасан» считается символической землей, из которой придет мессианская фигура Махди.

Эта земля охватывает не только части территории современного Афганистана, Пакистана и Ирана, но распространяет свое влияние также на Центральную Азию и Индию [6]. На севере группировка пропагандирует использование силы для создания провинции «Мавераннахр» (или «Трансоксиана»), ассоциируемой с древней территорией к северу от Амударьи, которая расположена вдоль границы между Узбекистаном и Туркменистаном в Центральной Азии. Согласно апокалиптическим представлениям идеологов ИГ, именно с территории Хорасана в эпоху «последнего халифа» на Ближний Восток должен явиться антимессия для финальной схватки между «добром и злом» [7, с. 219].

Соответственно, претензии ИГХ на роль одного из наиболее «производительных филиалов» глобального джихадистского проекта получают

---

³ Запрещенная в РФ террористическая организация.

⁴ Хорасан – историческая область, которая охватывала территории современных Афганистана и частично Пакистана. При этом «большой Хорасан» включал также территории Ирана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана.

реальное воплощение. Тем более, что на руку лидерам группировки, выстраивающим ее имидж в качестве мощной силы, играет то, что талибские власти Афганистана (примерно так же, как это делало предыдущее, проамериканское правительство Исламской Республики Афганистан) любое военное нападение на сторонников «Талибана» приписывает именно ИГХ [8].

В настоящее время ИГХ обладает ограниченным разрушительным потенциалом и не является той силой, которая способна произвести значительные потрясения в самом Афганистане и в соседних регионах, но эту группировку нельзя сбрасывать со счетов в качестве источника огромной потенциальной угрозы. По мнению афганского исследователя А.Камеля, есть несколько факторов, которые могут сделать ИГХ столь же могущественной группировкой, как «Талибан», и вовлечь ее в крупные региональные процессы (один из них – передача талибами игиловцам ограниченной территории на востоке страны или районов вблизи иранской границы, или даже провинции Бадахшан, чтобы под предлогом борьбы с террористами требовать «выкуп» у стран региона, а также у США) [8].

В перспективе нельзя исключать и возможности того, что распространению влияния ИГ в Афганистане и в центральноазиатских странах могут способствовать также и внешние силы с целью продвижения собственных геополитических интересов [9, с. 16]. С одной стороны, «хорасанское отделение» ИГ стремится подорвать религиозную и международную легитимность правящего в Афганистане движения «Талибан», изображая его как «марионетку» региональных государств (в первую очередь – России, Пакистана, Индии, Китая, Узбекистана и Ирана), которые «Исламское государство» считает «еретическими» и «неверными» [1].

С другой стороны, в стремлении подорвать доверие жителей Афганистана к «Талибану» как религиозному авторитету и правительству, ИГХ в своей пропаганде изображает талибов как пуштунское этнонационалистическое движение, не представляющее интересы всех афганцев, включая значительные этнические меньшинства (в том числе таджиков, узбеков и т. д.). Сам же афганский филиал ИГ, напротив, утверждает, что выходит за рамки этнической принадлежности, фракционности и национальных границ.

Как отмечает Д.Малышева, именно в силу того, что «Исламское государство» не признает своей этнической или национальной принадлежности, не признает государственных границ, объявляя себя транснациональной организацией, возможности этой структуры по привлечению в свои ряды представителей различных этнических групп шире, чем, например, у относительно моноэтнического пуштунского движения «Талибан» [9, с. 16].

Агитпроп экстремистов

С тех пор как боевики «Талибана» в августе 2021 г. захватили Кабул, конкурирующая с ними группировка «Исламское государство в провинции Хорасан» усилила и расширила свою региональную пропагандистскую кампанию, нацеленную на Южную и Центральную Азию. Более того, ИГХ стремится распространять свою пропаганду по всему миру с помощью как оригинальных, так и переводных материалов на большом количестве языков. Экстремисты применяют схемы вербовки сторонников, используя масштабную сеть онлайн-пропаганды.

Одним из наиболее ярких свидетельств расширенной международной информационно-пропагандистской кампании ИГХ стала заметная активизация пропаганды на английском языке. Первый номер журнала «Голос Хорасана» был опубликован в конце января 2022 г., а несколько дней спустя Фондом медиапроизводства «Аль-Азаим» была выпущена книга от имени группировки на английском языке.

Как отмечают исследователи Л.Веббер и Р.Валле, ИГХ начало публиковать книги, журналы, печатные заявления и видеопереводы на английском языке, чтобы придать своим местным и региональным нарративам глобализированное звучание. При этом пропагандистский аппарат экстремистов использует такие языки, как пушту, дари, арабский, урду, фарси, узбекский, таджикский, хинди, малаялам, русский, уйгурский и т. д.

Фактически, ни один другой «филиал» этой транснациональной террористической сети – за исключением собственно ИГИЛ на территориях Ирака и Сирии в самый разгар реализации проекта создания «халифата» – не демонстрировал способности производить пропагандистскую продукцию на таком количестве языков, как агитпроповская машина ИГХ, известная как «Фонд “Аль-Азаим” по производству средств массовой информации» [6].

Действуя с территории Афганистана и Пакистана, группировка ИГХ прилагает все больше усилий для обеспечения поддержки, сбора средств и привлечения новых сторонников из стран Центральной Азии, особенно – из Узбекистана и Таджикистана. Эта информационно-пропагандистская кампания проводится через Фонд медиапроизводства ИГХ «Аль-Азаим», который сформировал отделения, выступающие на узбекском и таджикском языках. Экстремисты в основном используют приложение Telegram для создания своей сети дискуссионных каналов, для поддержки активистов пропаганды и сотрудников по набору персонала и сбору средств [10].

Одним из объектов «игиловского агитпропа» становятся представители мусульманского населения Индии, где джихадистские пропагандисты пытаются воспользоваться поляризацией внутренней ситуации в стране для рекрутирования боевиков. В частности, ИГХ не признает индусов или сикхов и отказывает им в статусе зимми (то есть защищенного меньшинства в мусульманской стране).

При этом группировка распространяет в Индии антииндуистскую пропаганду, чтобы сплотить мусульманское меньшинство в стране, призывая индийских мусульман присоединиться к местному отделению ИГ – так называемому «Исламскому государству – провинция Хинд». Джихадисты пытаются воспользоваться маргинализацией мусульманских меньшинств в Индии, критикуя рост индуистского национализма и предлагая ИГХ в качестве решения этой проблемы. В числе пропагандистских материалов группировка опубликовала на языках хинди, урду и малайялам книгу, в которой излагается, как практиковать джихад [11].

Другим направлением пропагандистских усилий ИГХ стал Пакистан. В данном случае пропагандисты экстремистов ориентируются прежде всего на шиитское меньшинство в этой стране, пытаясь максимально использовать межконфессиональные разногласия. Объектами вербовки становятся преимущественно выходцы из Белуджистана и Хайбер-Пахтунхвы. Обе эти провинции имеют протяженные границы с Афганистаном, и после прихода к власти в Кабуле афганских талибов там отмечался всплеск трансграничных столкновений и вторжений. Хотя ответственность за многие из этих инцидентов взяла на себя группировка пакистанских талибов «Техрик-и-Талибан» (ТТП),⁵ это может позволить бойцам ИГХ начать аналогичные наступательные действия.

Как отмечает исследователь Д.Шульц, ИГХ использует также методы пропаганды, чтобы очернить проекты китайской инициативы «Один пояс и один путь». Поскольку целенаправленные атаки на финансируемые Китаем проекты в Белуджистане вызывают озабоченность Пакистана, ИГХ может представлять дополнительную угрозу для таких проектов, как Трансафганская железная дорога, которая призвана связать Узбекистан с Пакистаном через Афганистан. Атаки ИГХ на различные объекты в Афганистане снизили бы вероятность реализации инфраструктурных проектов, соединяющих Южную и Центральную Азию [11].

В поле пропагандистской деятельности афганского филиала ИГИЛ, естественно, попадают и страны постсоветской Центральной Азии. Чтобы расширить свою привлекательность в глазах потенциальных сторонников в этом регионе, группировка готовит оригинальные пропагандистские материалы на таджикском и узбекском языках, а также переводит на эти языки официальные материалы ИГХ и ИГИЛ. Большая часть пропаганды Фонда «Аль-Азаим» на узбекских и таджикских каналах состоит из аудиофайлов, видео, а иногда и книг, причем в агитационных медиапродуктах экстремистов обсуждаются самые различные темы [12].

Более того, ИГХ даже объявило о создании нового таджикоязычного крыла своего официального пропагандистского аппарата «Аль-Азаим

---

⁵ Запрещенная в РФ террористическая организация.

Таджики», а другая группа, «Хуросон Овози», выпускает медиа-контент на узбекском языке и активно пытается вербовать выходцев из Центральной Азии для вступления в ИГХ [6].

На таджикском языке появилось несколько Telegram-каналов, пропагандирующих идеи ИГХ. Они публикуют плакаты и видеоролики афганских ораторов с субтитрами на таджикском языке. Примечательно, что эти телеграм-каналы и субтитры используют кириллицу – это значит, что такие материалы ориентированы на таджиков, проживающих в Таджикистане, а не на афганских таджиков, использующих арабскую графику [11]. В частности, таджикские сети ИГХ выступали с призывами к сочувствующим представителям диаспор в США, России и Европе присоединиться к ИГ в Афганистане и Пакистане и распространили книгу с инструкциями по нападению на определенные религиозные общины [6].

К пропагандистским материалам ИГХ на таджикском языке, ориентированным на таджикских боевиков, относятся переводные релизы «Исламского государства» и аудиозаписи и книги местного производства. Так, в июле 2021 г. ИГ выпустило видео, в котором таджикский боевик ИГХ угрожает «тираническому» правительству Таджикистана и упоминает президента Э.Рахмона [12].

Экстремистские «ловцы душ» обращаются к молодым людям в Центральной Азии через социальные сети и мессенджеры, отправляя, например, на узбекском языке сообщения о том, что «эмиграция в Хорасан открыта» и что «халифат в Хорасане» «расширяется и крепнет по милости Божьей». При этом в некоторых пропагандистских материалах тем, кто сражается и умирает за ИГХ, обещано вознаграждение в загробной жизни, а на прилагаемых фотографиях изображены вооруженные люди на фоне современной карты Центральной Азии. Показательно, что сопроводительная подпись выполнена как узбекским алфавитом на основе латиницы, так и узбекской кириллицей [13].

Как подчеркивает исследователь Л.Веббер, «этот аспект пропаганды ИГ начался с развода в 2015 году между движением “Талибан” и Исламским движением Узбекистана (ИДУ)⁶, террористической группой, основанной в 1990-х годах с целью свержения правительства в Ташкенте» [14]. Эти две исламистские группировки формально были союзниками на протяжении полутора десятков лет, прежде чем руководство ИДУ в 2015 г. присягнуло на верность «Исламскому государству».

Сотни, если не тысячи сторонников ИДУ отправились в 2010-е годы в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к самопровозглашенному «халифату» ИГИЛ, а ряд выходцев из Узбекистана, объявивших себя сторонниками

---

⁶ Запрещенная в РФ террористическая организация.

«Исламского государства», оказались причастны к терактам в Нью-Йорке, Стамбуле, Стокгольме и других местах.

Пропагандистская сеть ИДУ позволила «хорасанскому проекту» расширить свою аудиторию в Узбекистане и других государствах Центральной Азии. Главной пропагандистской платформой ИДУ является его веб-сайт, основанный примерно в 2009 г. С тех пор как ИДУ объявило о своей лояльности по отношению к «Исламскому государству», существуют целые сети страниц ИГХ в социальных сетях и каналах для обмена сообщениями по распространению аудиозаписей заявлений узбекских джихадистских идеологов (Джума Намангани, Тахир Юлдаш и др.). Выступления этих деятелей продолжают оказывать большое влияние и формировать мышление современных пропагандистов, борцов и сторонников ИГХ из представителей узбекского населения [10].

Жесткое противостояние между рассорившимися талибами и ИДУ дало основания пропагандистской машине ИГХ утверждать, что «Талибан» враждебен по отношению к узбекскому населению (причем это касается как этнических узбеков Афганистана, так и жителей Узбекистана). В этой связи показательно, что медиа-ресурсы ИГХ активно эксплуатируют тему «мученичества» погибших от рук талибов боевиков «Исламского движения Узбекистана» и членов их семей.

Попытки талибских властей в Кабуле наладить контакты с Ташкентом (регулярные встречи на высоком уровне для обсуждения вопросов торговли и гуманитарной помощи и т. д.) приводят к тому, что Узбекистан все чаще фигурирует в пропаганде ИГ. Используя фотографии и видеозаписи с этих встреч, пропагандисты «Исламского государства» утверждают, что отношения между «Талибаном» и Ташкентом свидетельствуют о том, что талибы, вступающие в контакт со страной, которую экстремисты обвиняют в подавлении независимых проявлений ислама, являются еретиками.

В этих целях агитпроп ИГ использует, в частности, изобразительные средства, распространяя, например, фотографии со встречи в ноябре 2018 г. в Москве между талибами и дипломатами, включая посланника президента Узбекистана по Афганистану И.Иргашева. Также используется фотография узбекского чиновника, надевающего чапан на муллу Барадара из движения «Талибан» во время его визита в Узбекистан в августе 2019 г. [14]. Эти материалы призваны «доказать», что талибы являются вероотступниками и убийцами узбекских мусульман. Показательно, что соответствующая пропаганда ведется и на таких языках, как пушту и бенгальский.

Ташкент сталкивается с постоянной угрозой нападения со стороны ИГХ и вдохновленной пропагандой этой группировки боевиков. Особый – и откровенно негативный – интерес афганского филиала ИГ к Узбекистану обусловлен тем, что из всех центральноазиатских государств эта страна имеет самые тесные связи с талибами. В последние годы правительство республики скорректировало свою политику в отношении Афганистана. Специальный

представитель президента Узбекистана по Афганистану И.Иргашев встречался с представителями движения «Талибан» в ноябре 2018 г. в Москве, министр иностранных дел Узбекистана А.Камилов встретился с представителями талибов в Дохе (март 2019 г.), а в августе 2019 г. Ташкент принимал талибскую делегацию для проведения переговоров.

Более того, всего через месяц после захвата Кабула «Талибаном», на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Душанбе (17 сентября 2021 г.), президент Узбекистана Ш.Мирзиёев призвал разморозить замороженные афганские активы в иностранных банках и предоставить новым афганским властям доступ к ним. Также Узбекистан вновь открыл пограничный переход Термез с Афганистаном, а представители движения «Талибан» и узбекские официальные лица неоднократно встречались в Термезе для обсуждения таможенных правил и других пограничных вопросов. В декабре 2021 г. Узбекистан направил технических специалистов для оказания помощи в ремонте оборудования в аэропорту Мазари-Шарифа [4].

В конце августа 2022 г. узбекоязычная медиagrуппа ИГХ опубликовала 5 аудиообращений Абу Мухаммада аль-Узбеки, в которых утверждалось, в частности, что, в отличие от талибов, выступающих лишь за пуштунское националистическое государство, ИГХ ведет «священный джихад» за установление «глобального исламского халифата». В конце своего выступления представитель экстремистов призвал центральноазиатских сторонников ИГ открыть фронт джихада в Центрально-Азиатском регионе и приветствовать прибытие иностранных боевиков («мухаджиров») со всего мира.

Чуть позже, в сентябре 2022 г., группировкой ИГХ в ее медиа-ресурсах было опубликовано заявление о расширении «священного джихада» ИГ на Центральную Азию. При этом приводились аргументы в пользу переноса джихадистских операций в этот регион – они направлены на сдерживание «глобальной экспансии» Китая в рамках его Инициативы «Пояса и пути». ИГХ в общих чертах изложило свою стратегию проникновения в Центральную Азию с целью проведения операций по взрывам и саботажу на китайских нефте- и газопроводах в этом регионе [1].

Не только пропаганда

Следует подчеркнуть, что внимание «афганского филиала» ИГ к Центральной Азии не ограничивается мерами пропаганды. Не следует сбрасывать со счетов сообщения о ракетных обстрелах сопредельных с Афганистаном территорий Узбекистана и Таджикистана весной 2022 г. Хотя власти этих стран пытались преуменьшить их значение – вплоть до отрицания, что обстрелы имели место, – данные инциденты свидетельствуют о том, что ИГХ держит Центральную Азию под прицелом, демонстрируя способность применять насилие против соседних государств [3].

Также предпринимаются попытки использовать страны региона в качестве перевалочных пунктов для новобранцев ИГХ на пути в Афганистан. Осенью 2021 г. гражданин Великобритании и еще один европеец были арестованы талибами на основе информации, полученной от властей Узбекистана. При этом у задержанных было обнаружено более 10 тысяч фунтов стерлингов наличными, очки ночного видения и военная форма. Также сообщалось, что два гражданина Франции несколько лет назад отправились через Центральную Азию, чтобы присоединиться к ИГ в Афганистане, а еще один был задержан властями Таджикистана в 2017 г. [6].

Известны случаи, когда сети ИГХ направляли представителей центральноазиатских диаспор для совершения нападений за рубежом. Например, в начале 2020 г. пятеро граждан Таджикистана были арестованы в Германии по подозрению в подготовке террористических актов.

Еще одним свидетельством амбиций «афганского филиала» ИГИЛ по расширению деятельности за пределы территории Афганистана стали сообщения об аресте турецкими спецслужбами двух сторонников этой группировки по подозрению в подготовке терактов в Стамбуле 31 декабря 2022 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что задержанными оказались молодые люди, граждане Таджикистана и Узбекистана, подвергшиеся воздействию пропаганды ИГХ.

Говоря об усилиях «афганского филиала» ИГ по рекрутированию сторонников в республиках постсоветской Центральной Азии, не следует забывать, что некоторые граждане этих стран подверглись идеологической обработке со стороны «материнской» ИГИЛ на волне успехов группировки в Сирии и Ираке в 2010-х годах. Широко известно, что сотни выходцев из центральноазиатских государств перебрались на территории, контролировавшиеся в свое время самозванным «халифатом», причем среди них были не только боевики, но и члены их семей.

Не следует также забывать о звучащих со стороны «афганского филиала» ИГ угрозах в отношении связанных с Центральной Азией китайских инфраструктурных проектов – в частности, стремлении устраивать диверсии против трубопроводов, связывающих центральноазиатские страны с Китаем, что, по мнению экстремистов, должно стать актами мщения за политику Пекина в отношении уйгурских мусульман, о солидарности с которыми неоднократно заявляла пропагандистская машина ИГХ.

Как отмечает Е.Степанова, можно выделить три основных вызова для Центральной Азии, связанных с ИГ. Во-первых, это мобилизация местных радикалов и их отправка в качестве иностранных боевиков-террористов в зону расположения территориального ядра ИГ в Сирии и Ираке, а также возможность их возврата с Ближнего Востока в страны происхождения (особенно начиная с середины 2016 г.). Во-вторых, следует учитывать радикализацию местных небольших, в основном самогенерирующихся автономных ячеек, находящихся под сильным воздействием пропаганды ИГИЛ

и идеологии «глобального джихада». В-третьих, существует потенциал прямого перелива элементов ИГ из соседних стран (Афганистана и Пакистана) в Центральную Азию [7, с. 229].

При этом, отмечает Е.Степанова, что касается последнего из указанных вызовов, то вероятность такой угрозы может возрасти лишь в том случае, если ИГ в Афганистане претерпит серьезную трансформацию в плане состава участников и основных районов базирования. Например, если на севере Афганистана в зоне, населенной в основном теми же этническими группами (таджиками, узбеками, туркменами и т. д.) и расположенной недалеко от их родины, скопится большое количество возвращающихся с Ближнего Востока боевиков центральноазиатского происхождения [7, сс. 229–230].

ИГХ продемонстрировало готовность расширить «линию фронта джихада» на Центральную Азию, чтобы дестабилизировать густонаселенную Ферганскую долину, зажатую между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Следовательно, одна из этих трех стран может стать предпочтительной целью для ИГХ. Если правительства государств Центральной Азии не смогут противостоять ИГХ, в дальнейшем можно ожидать усиления в регионе беспорядков, инспирируемых «Исламским государством» [1].

Что делать?

Одна из проблем противодействия экстремистской пропаганде заключается в том, что страны Центральной и Южной Азии против террористических организаций, как правило, предпочитают действовать в одностороннем порядке, чтобы избежать геополитических препятствий, возникших в соответствующих регионах, а также избежать взаимодействия с враждебными соседями. Как отмечает Д.Шульц, это касается не только Индии и Пакистана, но и центральноазиатских государств [11]. Совместная борьба с терроризмом необходима для недопущения стихийных террористических угроз в регионе.

Террористическая деятельность в Южной и в Центральной Азии не ограничена национальными границами и нередко осложняет отношения между государственными субъектами. Усиление ИГХ ставит, в том числе и перед Россией и ее партнерами в Центральной Азии, задачу активного поиска эффективных механизмов сдерживания и противодействия этой угрозе. Можно согласиться с мнением, что «противостояние с афганским филиалом ИГ становится для Москвы и ее партнеров в Центральной Азии делом слишком серьезным, чтобы отдавать его целиком на откуп неэффективной силе, которую к тому же российская сторона не в состоянии контролировать» [15].

Смягчение этой угрозы необходимо для обеспечения региональной стабильности и, следовательно, должно охватывать все подвергающиеся

террористическому воздействию страны. Согласование и синхронизация подходов позволила бы разработать всеобъемлющую стратегию борьбы с ИГХ.

Успешное противодействие пропаганде ИГХ требует согласованных усилий стран Южной и Центральной Азии. В частности, необходимо проведение семинаров и тренингов для разработки региональными правоохранительными органами в сотрудничестве с НПО целевых программ цифровых коммуникаций, противодействующих насильственному экстремизму. Эти программы позволили бы выявлять вредоносную онлайн-риторику и предотвращать ее распространение среди широких слоев населения. Кроме того, разворачивание кампаний контрпропаганды в наиболее восприимчивых к пропаганде ИГХ сообществах создало бы своего рода щит против схем вербовки террористов со стороны этой и других экстремистских группировок.

Правительствам следует использовать существующие формы международного сотрудничества и внедрять новые модели для повышения эффективности своей политики в конкретных странах. Ряд стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – Китай, Индия, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан – сообщали об активизации усилий ИГХ по цифровой пропаганде на своих границах. Хотя ШОС уже осуществляет многосторонние операции по обеспечению безопасности, в частности, проводя учебные занятия по военной подготовке, этой организации следовало бы внести изменения в программы таких курсов, включив в них рекомендации по мерам стратегии смягчения воздействия инструментов онлайн-пропаганды.

По мнению российского эксперта А.Серенко, снижению уровня угрозы со стороны ИГХ могло бы способствовать возрождение при российской поддержке проекта «Северного альянса», существовавшего в 1990-е годы и противостоявшего талибам. Теперь такая структура на севере Афганистана – например, на основе антиталибского Фронта национального сопротивления Афганистана (ФНСА) во главе с Ахмадом Масудом – могла быть стать значимым противовесом афганскому филиалу ИГ [15].

Нестабильность в отношениях между региональными странами (например, между Кыргызстаном и Таджикистаном), экономические и политические потрясения в Пакистане, рост индуистского национализма в Индии – все это может побудить настроенных соответствующим образом людей вступать в ряды ИГХ. Предшествующие события подчеркивают настоятельную необходимость создания многосторонней и гибкой модели для противодействия пропагандистским схемам ИГХ.

Странам Центральной и Южной Азии необходимо объединить ресурсы и сотрудничать в рамках противодействия угрозам безопасности, обусловленным пропагандистскими кампаниями ИГХ. Запуск кампаний контрпропаганды, включение цифровых элементов в совместные военные учения, внедрение инструментов цифрового сотрудничества и использование существующих многосторонних рамок позволили бы использовать сильные

стороны арсенала каждой страны и целенаправленно действовать в отношении каждого компонента деятельности сети ИГХ. Эта тактика поможет странам Южной и Центральной Азии предотвратить распространение ИГХ за пределы Афганистана и вербовку их граждан для вступления в организацию.

Безусловно, какой бы изощренной ни была пропагандистская деятельность идеологов ИГХ, сама по себе, в отрыве от других факторов она мало что значит. Однако угрозы безопасности Центрально-Азиатскому региону со стороны радикального исламизма афганского направления усугубляются целым рядом негативных внутренних факторов, которые, по мнению А.Казанцева, заставляют отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам [16].

* * *

Повторимся: вряд ли следует переоценивать опасность, которую представляет собой действующее на афганской земле ответвление транснациональной джихадистской сети, но нельзя и недооценивать ее. Действительно, военный потенциал ИГХ не позволяет группировке наносить серьезные поражения силам талибов, контролирующим Афганистан, и тем более – соседним странам. Однако это обстоятельство никоим образом не снижает уровень опасности со стороны экстремистов, в том числе – для центральноазиатских постсоветских республик.

Чтобы семена экстремистской идеологии дали всходы, они должны упасть на подготовленную почву, каковой могут быть реальные проблемы самого различного свойства (от социально-экономических до сугубо личных), с которыми сталкивается потенциальная аудитория экстремистского агитпропа в странах проживания. Очевидно, что даже при большом желании искоренить эти проблемы вряд ли возможно, однако необходимо стремиться минимизировать их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Botobekov U. Following the Russian Embassy Suicide Bombing, ISKP Declares Expansion of Holy Jihad into Central Asia // Homeland Security Today. 19.09.2022. URL: <https://www.hstoday.us/featured/following-the-russian-embassy-suicide-bombing-iskp-declares-expansion-of-holy-jihad-into-central-asia/> (дата обращения 03.04.2023).

2. Яшлавский А.Э. 2023. “Хорасанский проект” ИГИЛ в Афганистане: новые вызовы и угрозы // Мировая экономика и международные отношения. Т.

67. № 3. С. 55–66. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-55-66> EDN: OOVATQ

3. Ramachandran S. ISKP Attacks in Uzbekistan and Tajikistan // The Central Asia – Caucasus Analyst. August 31, 2022. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13731-iskp-attacks-in-uzbekistan-and-tajikistan.html> (дата обращения 30.01.2023).

4. Pannier B. Northern Afghanistan and the New Threat to Central Asia // Foreign Policy Research Institute. May 2022. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2022/05/north-afghanistan-and-the-new-threat-to-central-asia.pdf> (дата обращения 06.02.2023).

5. Серенко А.Н. В Афганистане эмират не справляется с халифатом // Независимая газета. 20.03.2023. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-03-20/3_8684_kb.html (дата обращения 02.04.2023).

6. Webber L., Valle R. Islamic State Khorasan’s Expanded Vision in South and Central Asia // The Diplomat. August 26, 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/islamic-state-khorasans-expanded-vision-in-south-and-central-asia/> (дата обращения 30.01.2023).

7. Степанова Е.А. 2017. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // Пути к миру и безопасности. № 1 (52). Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российский и американский подходы). Спецвыпуск. (Под ред. Е.А. Степановой). М.: ИМЭМО РАН. С. 213–237. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-213-237

8. Kamel A. Is ISKP an actual or a potential threat in Afghanistan? // East Studies. Institute for East Studies. 21 October 2021. URL: <https://www.iess.ir/en/analysis/2829/> (дата обращения 06.02.2023).

9. Малышева Д.Б. 2017. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 8. С. 14–23. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23>

10. Webber L., Pannier B. The Islamic Movement of Uzbekistan’s Enduring Influence on IS-Khorasan // Global Network on Extremism & Technology. 03.03.2023. URL: <https://gnet-research.org/2023/03/03/the-islamic-movement-of-uzbekistans-enduring-influence-on-is-khorasan/> (дата обращения 03.04.2023).

11. Schulz D. ISKP’s Propaganda Threatens Asia’s Security Apparatus // Stimson Center. October 4, 2022. URL: <https://www.stimson.org/2022/iskps-propaganda-threatens-asias-security-apparatus/> (дата обращения 24.01.2023).

12. Valle R. Islamic State Khurasan Province threatens Uzbekistan, Central Asia, and neighbouring countries // Special Eurasia. May 5, 2022. URL: <https://www.specialeurasia.com/2022/05/05/islamic-state-uzbekistan/> (дата обращения 06.02.2023).

13. Webber L., Alkhouri L. Islamic State recruiting Uzbeks to fight in Afghanistan // Eurasianet. 29.08.2022. URL: <https://eurasianet.org/perspectives->

islamic-state-recruiting-uzbeks-to-fight-in-afghanistan (дата обращения 03.04.2023).

14. Webber L. Islamic State continues anti-Taliban PR push, with Tashkent in crosshairs // Eurasianet. December 9, 2021. URL: <https://eurasianet.org/perspectives-islamic-state-continues-anti-taliban-pr-push-with-tashkent-in-crosshairs> (дата обращения 29.01.2023).

15. Серенко А.Н. Россия не может выйти из афганской «большой игры» // Независимая газета. 23.01.2023. URL: https://www.ng.ru/ideas/2023-01-23/7_8641_russia.html (дата обращения 02.04.2023).

16. Казанцев А. А. Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама // Россия в глобальной политике. 01.02.2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama/> (дата обращения 27.02.2023).